

УДК 378(075.8):811.161.1

Ж.М.Оспанова

Академический инновационный университет

Ментальность: языковая интерпретация мира

В статье раскрывается ментальность как интерпретация мира. Выявляется связь языковой ментальности и менталитета, также дается описание соотношения языка и ментальности с точки зрения разных исследователей. В лингвистических исследованиях чаще всего язык и менталитет отождествляют и обосновывают приоритет языковой ментальности, поэтому возникает необходимость сосредоточить внимание на изучении соотношения и способов взаимодействия ментальностей отдельных групп в пределах определенного социума. Национальный характер является частью менталитета и должен быть всесторонне описан экспериментальным исследованием путем сравнения содержания указанных выше феноменов у представителей разных культур.

Ключевые слова: менталитет, две основные тенденции в понимании сущности менталитета, языковая ментальность, субъект ментальности, соотношение и способы взаимодействия ментальностей отдельных социальных групп в пределах социума.

Менталитет — это некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него [1; 35].

Национальный характер, понимаемый как специфическое сочетание устойчивых личностных черт представителей конкретного этноса или как доминирующие в данном обществе ценности и установки, является, по существу, лишь частью менталитета как интегральной характеристики психологических особенностей людей, принадлежащих к изучаемой культуре.

Опора при создании развернутой дефиниции менталитета на специальную, посвященную этому вопросу иностранную литературу вряд ли окажется эффективной, несмотря на западноевропейское происхождение слова (от позднелатинского *mentalis*). Отражая несколько иную по сравнению с охарактеризованной выше психологическую реальность, понятие «mentality» определяется в англоязычных психологических словарях [2; 20–29] как «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов»; «обобщение всех характеристик, отличающих ум», «способность или сила разума», «установки, настроение, содержание ума», «образ мыслей, направление или характер размышлений» и, наконец, как «сумма мыслительных способностей или возможностей, отличающихся от физических». Следует особо отметить, что представленные определения отличаются исключительной краткостью, а разнородный характер раскрывающих понятие феноменов свидетельствует о недостаточной научной проработке данного термина.

Указанный подход к пониманию менталитета также не способствует закреплению этого термина в научной лексике, поскольку здесь менталитет практически отождествляется с массовым сознанием, что, в свою очередь, делает новое понятие ненужным. При анализе менталитета (коллективной ментальности) следует исходить из того, что данное понятие описывает именно специфику отражения внешнего мира, обуславливающую специфику способов реагирования достаточно большой общности людей [3; 15].

Итак, менталитет, будучи явлением умственного порядка, вовсе не идентичен общественному сознанию, а характеризует лишь специфику этого сознания относительно общественного сознания

других групп людей, причем, как правило, речь идет о таких больших группах, как этнос, нация или, по крайней мере, социальный слой. Необходимо также отметить, что осознаваемые элементы менталитета тесно связаны с областью бессознательного (а может быть, и базируются на ней), понимаемого применительно к указанным общностям как коллективное бессознательное.

В настоящее время обнаруживаются две основные тенденции в понимании сущности менталитета: с одной стороны, менталитет настолько широко трактуется, что включает в себя уклад жизни, особенности народных реалий, обрядов, стиль поведения, нравственные заветы народа, самоидентификацию человека в социальном мире, с другой стороны, под менталитетом понимается только самоидентификация этноса.

Таким образом, менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других.

Исходя из этого можно сделать вывод, что национальный характер, понимаемый как специфическое сочетание устойчивых личностных черт представителей конкретного этноса или как доминирующие в данном обществе ценности и установки, является, по существу, лишь частью менталитета как интегральной характеристики психологических особенностей людей, принадлежащих к изучаемой культуре.

Менталитет представителей какой-либо культуры должен быть всесторонне описан путем сравнения экспериментально выявленного содержания указанных выше феноменов с содержанием тех же феноменов у представителей других культур. Возможно, существуют и другие подходы к пониманию психологической структуры менталитета, но указанный путь представляется в свете поставленных задач наиболее эвристичным.

По определению Э.Д.Сулейменовой, Н.Ж.Шаймерденовой [4; 64], менталитет (лат. *mentalis* — умственный, духовный, *mens* — разум) — особенности индивидуального и общественного сознания людей, их жизненных позиций, культуры, моделей поведения, обусловленные социальной средой, национальными традициями, складом ума, мировосприятием.

Р.Шпрандель [5; 17] выделяет в качестве конституирующих ментальную сферу представления о человеке, о собственной группе. А.Берк [5; 47] представляет ментальность не как единую систему, а как сумму или пересечение разных «сеток» (микрорадиогам, стереотипов), которые взаимно увязаны и могут вступать в противоречия. Понятие *mentality* утвердилось в XX в. *Mentality* означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т.е. глубинный источник мышления, идеологии, веры, чувств, эмоций.

Огромное количество (в том числе и экспериментальных) работ, позволяющих делать серьезные выводы о менталитете, написано лингвистами и психолингвистами [5; 32, 6; 68, 7; 86]. И это понятно: ведь где, как не в языке, наиболее полно представлен внутренний мир человека — во всяком случае, его когнитивная сфера. Языковая ментальность — это способ деления мира с помощью языка, достаточно адекватный существующим у людей представлениям о мире. Однако, несмотря на то, что анализ языка позволяет весьма точно выявить культурную специфику отношений людей к окружающей их действительности, в нем отсутствует возможность установления причин, побуждающих людей придавать значимость одним аспектам явлений, игнорируя при этом другие.

С языковой картиной мира неразрывно связана национальная картина мира, которая опосредуется в языке и выявляет особенности представления того или иного этноса об окружающей действительности. В определение национальной картины мира входит понятие «менталитет». Словом «менталитет» называют то, что не есть «политика», «социально-экономические отношения», «обычаи», «законы». Им объясняют то, что в культуре и истории других народов кажется странным и непонятным. Ментальность «находится» глубже мышления, норм поведения, сферы чувств. Ментальность — это «общий тонус» долговременных форм поведения и мнений индивидуумов в пределах групп. Ментальность проявляется во всем, о чем думает человек, что и как оценивает, как соотносит быт и событие [8; 20–21].

Национальный характер — это своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и про-

являющихся в специфике национальной культуры [9; 23]. Ментальной сферой (областью концептуализации) является актуализируемое различными типами текстов когнитивное пространство человека, включающее весь массив знаний об окружающем мире. При этом языковые значения слов, высказываний «соотносимы с определенными контекстами — когнитивными структурами или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [10; 37].

Ментальность — это скрытая, глубинная, безотчетная, неотрефлексированная часть публичного сознания. Субъектом ментальности является не индивидум, а социум. Это сфера коллективного бессознательного (то, что бессознательное является частью публичного сознания не противоречие, а изъян традиционной терминологии). Она в той либо другой мере присуща всем его членам. Содержанием её являются латентные ценностные ориентации; мыслительные, поведенческие, эмоциональные стереотипы; картины мира и восприятие себя в мире; всевозможные автоматизмы сознания; распространенные публичные представления либо, по другому говоря, расхожие представления и т.п. Ментальность противопоставлена идеологии как безотчетная, неотрефлексированная часть публичного сознания осознанной и теоретически обработанной. Четкой границы нет. Ментальность и идеология, вернее всего, могут быть представлены в виде противоположных полюсов публичного сознания, меж которыми находится череда переходных форм.

Ментальность отражает пройденный обществом исторический путь и может быть рассмотрена как часть культуры. Более того, понимание ее особенностей дает ключ к глубочайшему проникновению в скрытую от поверхностного взора «механику» культуры, её «тональность», делает понятными потаенные взаимосвязи между явлениями. «Культура и традиция, язык, образ жизни и религиозность образуют собственного рода «матрицу», в рамках которой формируется ментальность. Эра, в которую живет индивидум, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, дает ему определенные формы психических реакций и поведения, и эти особенности духовного оснащения обнаруживаются в «коллективном сознании»» [10; 85].

Ментальность, как хоть какой социальный парадокс, исторически изменчива (хотя изменяется совсем медленно). Ментальность нереально обрисовать, если не представлять заблаговременно, что конкретно необходимо обрисовывать. Последнее же нереально, если не представлять структуру этнической картины мира (в том числе и её бессознательные составляющие) и социальную структуру применительно к «распределительной модели культуры», т.е. социальную структуру и модель человеческого взаимодействия, которая бы объясняла механизм внутрикультурного и внутриобщественного распределения культуры.

Таким образом, разные подходы к одной проблеме есть осевые структуры ментальности, что, по мнению С.В.Зотова [11; 73], позволяет говорить о том, что ментальность — это система этнических констант, которая является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир. Соответственно, мы имеем возможность, вслед за С.В.Зотовым, предположить, что система этнических констант складывается при взаимодействии индивидов, конкретных носителей определенной культуры, и является следствием унифицированности типов восприятия, переработки информации и взаимодействия их на сходных уровнях. Представленность этнической ментальности как коллективно-личностного образования с устойчивыми духовными ценностями, существующими в конкретных пространственно-временных границах, позволяет использовать данный феномен для изучения особенностей восприятия мира и характеристики самосознания индивидуального и коллективного сознания. В целостном виде они проявляются как в идеалах, языке, образе жизни, так и в вариантах осознанного восприятия тех или иных явлений действительности.

Понятие «языковая ментальность» разрабатывается психолингвистами в последнее десятилетие. Здесь наблюдается такая же неупорядоченность, как и относительно понятия «ментальность»/«менталитет». Особое место занимают неосознаваемые элементы менталитета. Психология мало продвинулась в этом вопросе со времен К.Юнга, и до сих пор выявление неосознаваемой основы существующих ценностных структур, или национальных стереотипов поведения, ведется в рамках психоаналитической традиции, единственной надеждой которой является удачливость интуиции исследователя.

Соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением можно определить как языковую ментальность. С помощью языка мы отражаем мир. Языковая ментальность тесно связана с языковым мышлением. Более того, как следует из определения, языковая ментальность — это важнейший аспект языкового мышления. Особенности языковой ментальности заключаются в том, какие части мира оказываются охваченными концептами, и в том, как данные концепты «покры-

вают» мир, т.е. каков рисунок, очертания данного «раздела» мира. Языковая ментальность бывает двух типов: лексическая и грамматическая. Языковая ментальность лексического типа отражена в лексико-семантической системе. Особенности языковой ментальности грамматического типа определяются локальным, темпоральным и другими фокусами представления мира. Данные фокусы представления мира закреплены, в первую очередь, в грамматической системе (в системе времен, категории числа, категории рода и т.д.). Языковую ментальность можно изучать изолированно, т.е. анализируя некоторую отдельно взятую языковую ментальность, или сопоставительно [1; 14], путем сравнения языковых ментальностей. Как изолированное, так и сопоставительное изучение языковых ментальностей может проводиться на разных уровнях [12; 89].

Вопрос о соотношении языка и ментальности ставится в работе В.А.Пищальниковой [5; 32]. Язык же, будучи универсальным средством хранения, формирования и представления знания разного уровня, выступает объектом анализа при изучении менталитета, поскольку другого способа обнаружения психических образований у нас нет. Язык как репрезентант ментальности в известной степени определяет способ членения действительности, однако в нем, языке, нельзя обнаружить причины, по которым тем или иным реалиям придается значимость в рамках определенного социума. Кроме того, язык как конвенционально-знаковая система является интегративным компонентом репрезентации концептуальной системы и потому обладает способностью ситуативно актуализировать любую ее составляющую.

Самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является национальный язык. Язык и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера. В формировании мировосприятия и национального характера носителя языка участвуют не только лексика, но и грамматические средства языка.

Несмотря на единство законов логики и познания мира, народы обладают определенным национально-специфическим «видением мира», по-разному отражают в языках окружающую их действительность, так как «сам язык формируется в процессе познавательной деятельности данного народа». Недаром исследователи определяют его как «фонетическое, ритмическое и морфологическое выражение народной души». Национальные особенности речи, наряду с общностью материальной культуры и психологического склада, представляют собой неотъемлемый признак нации.

Язык, действительно, и формирует, и отражает специфику национального характера и национальной психологии своего народа. Современные развитые языки имеют равные условия для выражения любых категорий плана содержания для передачи стилистических категорий. Но другое дело — языковые средства, используемые языками для достижения одной и той же цели. К примеру, тенденция к повышенной эмоциональности у носителей русского языка к так называемой переоценке [13; 84], в отличие от казахской сдержанности, недосказанности, проявляется и в пунктуации, в первую очередь в употреблении восклицательного знака.

Каждый этнос формирует свои стереотипы сознания и деятельности. В сознании носителей одного языка возникает определенная картина мира, сквозь призму которой человек видит мир. Построение ментальных моделей мира предполагает обращение к языковой картине мира, к языковому видению мира. Картины мира различных этносов отличаются друг от друга. «Каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира» [14; 15]. Языковая картина мира представляет собой смысловые модели действительности, является идеальным образцом объективной реальности, воссоздаваемым в языке.

Соотношение ментальности и картины мира исследуется в работе О.А.Петренко [3; 15]. Утверждается, что ментальность и картина мира разграничиваются по степени осознанности: «картина мира» — осознанное представление, а «ментальность» сознанием не рефлексивируется. И, тем не менее, о своеобразии менталитета судят по специфике картины мира. Признание иррационального начала ментальности характерно для многих философских и исторических исследований, однако признание этого в лингвистической работе удивительно, тем более, что рассматриваются лексические репрезентации ментальности, следовательно, или ментальность не имеет иррационального характера, или язык обладает невозможной для него функцией репрезентации принципиально нерепрезентируемого содержания. Два основных направления проблемы — «язык и ментальность», указанные О.А.Петренко, изучение этнически специфических лексем, выявление и описание коннотации отдельных лексем, имеющих эквиваленты в других языках, не решают, как представляется, проблемы соотношения языка и ментальности, поскольку данная проблема должна ставиться иным способом: 1) проблема выявления этнически специфических лексем; 2) проблема корреляции ментального содер-

жания разных этносов и репрезентации этой корреляции. Это во многом ускорит решение проблемы адекватности перевода и понимания.

Ю.А.Сорокин [6; 7] подобным образом разграничивает сознание и ментальность, хотя в использовании терминов он более корректен, соотнося не модель (картину мира) и психическое образование (ментальность), как это делает О.А.Петренко, но сами психические образования: сознание и ментальность. Согласно его рассуждениям, сознание указывает на тот фрагмент личности, который ориентирован на логицизирующую форму осмысления мира и всех других в нем, ментальность же указывает на спонтанную форму существования в мире и интуитивную форму понимания и самого себя, и других. Соответственно, изучение сознания ведется преимущественно формальными приемами, а ментальности — нарративными. Чтобы возможным стало судить о сущности сознания или ментальности того или иного этноса, можно, например, устанавливать мощностные языков и культур. На наш взгляд, такое решение проблемы ведет к выявлению языковых и культурологических доминант этноса, что продуктивно для любых исследований в области описания этнически специфичных феноменов.

О языковой ментальности говорит и О.Г.Почепцов [7; 97], называя ее соотношением между некоторым участком мира и его языковым представлением, причем под миром понимается не только окружающий мир, но и создаваемый человеком, а под языком понимается единство языка-системы и языковой деятельности. В таком широком понимании неизбежно смешиваются не только психические феномены (мир, мышление, сознание, ментальность, язык), но и физические (мир, язык). Тем не менее языковая ментальность индивида, по утверждению О.Г.Почепцова, определяется, с одной стороны, особенностями самого индивида как представителя некоторой социокультурной группы, с другой стороны, — социокультурной средой. Соответственно, в онтогенезе индивид от языкового мышления переходит к социокультурным стереотипам мировосприятия. Правда, не ясен механизм этого перехода.

Подчеркивается стереотипность языковой ментальности: социокультурные стереотипы восприятия мира формируют языковую ментальность, кристаллизуются в ней. Признавая независимость характера языковой ментальности от языка, О.Г.Почепцов тем самым выводит зависимость языка от менталитета. Кроме того, соотношение менталитета и языковой ментальности представляется изоморфным соотношению концептуальной и языковой картин мира, мышлению и вербальному мышлению. Вопрос о вербальном мышлении (относительно языка как единства системы и деятельности). О.Г.Почепцов решает следующим образом: языковое мышление — это часть общего мышления. Точка же зрения, что языковое мышление — это мышление вообще, облеченное в языковую форму, на наш взгляд, некорректна, поскольку наряду с языковым существуют самые различные виды мышления. В этом случае языковое мышление определяется нами как языковая репрезентация мира.

В лингвистических исследованиях нередко наблюдается отождествление менталитета и языка, а также обосновывается приоритет языковой ментальности. Так, В.В.Колесов [5; 43] утверждает, что человек живет в ментальном пространстве своего языка, причем ментальность — это мировосприятие через категории и формы родного языка, и на уровне символа через язык он воспринимает мир. В.И.Шаховский [5; 27] отождествляет языковое сознание и так называемый ментальный стиль языковой личности. Различие языков, по его утверждению, объясняется различием культур, различием концептуальных кодов и ментальных стилей у различных народов. Более того, у каждой языковой личности существует свой ментальный стиль, обусловленный индивидуальными кодами культурных концептов. Дух народа и сознание его отражены в культурных концептах, мотивирующих языковое сознание, ментальный стиль.

О соотношении языка и ментальности говорит В.А.Пищальникова [5; 32]: «Язык же, будучи универсальным средством хранения, формирования и представления знания разного уровня, выступает объектом анализа при изучении менталитета, поскольку другого способа обнаружения психических образований у нас нет. Язык как репрезентант ментальности в известной степени определяет способ членения действительности, однако, в нем, в языке, нельзя обнаружить причины, по которым тем или иным реалиям придается значимость в рамках определенного социума». Кроме того, язык как конвенционально-знаковая система является интегративным компонентом репрезентации концептуальной системы и потому обладает способностью ситуативно актуализировать любую ее составляющую. Признается совокупность определенных явлений, категорий, причем в компонентах этой совокупности наблюдается значительное расхождение, хотя и доказано, что любое перечисление гетерогенных явлений не выявляет сущности анализируемого объекта. В таком случае продуктивнее говорить о концептуальной системе индивида или группы людей.

Итак, во многих отечественных исследованиях менталитетом признается совокупность определенных явлений, категорий, причем в компонентах этой совокупности наблюдается значительное расхождение, хотя и доказано, что любое перечисление гетерогенных явлений не выявляет сущности анализируемого объекта. В таком случае продуктивнее говорить о концептуальной системе индивида или группы людей как системе, где при функционировании определенных компонентов обнаруживается не только специфика менталитета, но и специфика его носителей.

Таким образом, несмотря на неупорядоченность в терминах и понятиях национального сознания, национального характера, менталитета, ментальности, на данном этапе развития науки, как справедливо утверждает А.В.Петровский [12; 77], целесообразнее сосредоточить внимание на изучении соотношения и способов взаимодействия ментальностей отдельных социальных (и других) групп в пределах социума (этноса). Отсюда необходимость обращения к экспериментальным исследованиям, проявляющим содержание национально-специфического компонента концептуальных систем.

Список литературы

- 1 Леонтьев А.А. Основы теории речевой деятельности. — М.: Наука, 1990. — С. 35, 14.
- 2 Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический // Вопросы психологии. — М., 1993. — № 5. — С. 20–29.
- 3 Петренко В.Ф. Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям // Советская этнография. — М., 1987. — № 4. — С. 15, 19.
- 4 Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолингвистических терминов. — Алматы: Қазақ ун-ті, 2002. — С. 64.
- 5 Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. — М.: Изд. Моск. гос. лингв. ун-та, 2007. — С. 17, 47, 32, 43, 27.
- 6 Сорокин Ю.А. Культурология и психолингвистика: цели и методы. — М.: Наука, 1991. — С. 68, 77.
- 7 Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 1990. — № 6. — С. 86, 97.
- 8 Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии // Учеб. пособие. — М.: Флинта, 2009. — С. 20–21.
- 9 Арутюнян Р.С. Менталитет: психологический анализ // Язык и наука конца XX века. — М., 1996. — С. 23.
- 10 Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — С. 37, 85.
- 11 Зотов С.В. Ментальность Российской цивилизации. — М., 1998. — С. 73.
- 12 Петровский А.В. Менталитет // Российская психологическая энциклопедия. — М.: Наука, 1990. — С. 89, 77.
- 13 Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. — М., 1992. — № 2. — С. 84.
- 14 Маслова В.А. Лингвокультурология. — М.: Наука, 2001. — С. 15.

Ж.М.Оспанова

Менталдылық: әлемнің тілдік интерпретациясы

Мақалада ұлттық ерекше мінез дүние әлемді түсіндіру құралы ретінде сипатталады. Тіл ерекшелігі мен ұлттық ерекше мінездің байланысы көрсетіліп, тіл мен ұлттық ерекше мінезінің байланысы туралы әр түрлі зерттеушілердің көзқарастары келтіріледі. Лингвистикалық зерттеулерде тіл мен ұлттық ерекше мінезді сәйкестендіреді және тіл ерекшелігінің басымдылығын негіздейді, сондықтан белгілі бір социумның жеке топтарындағы ерекшеліктердің өзара байланыс әдістерін зерттеуге көңіл бөлу керек. Ұлттық мінез діліміздің бір бөлшегі болады және жоғарыда аталған әр түрлі мәдениеттің феномендердің мазмұндарын салыстыра отырып, жан-жақты эксперименттік зерттеулер баяндалуы қажет.

The problem of mentality as the world interpretation is discussed in the article. The language mentality connection with the way of thinking is developed; different researchers' position concerning correlation of the language and mentality description is presented. Language and mentality are usually treated as equal in the linguistic investigations; language mentality is given the top priority. So we may say that there is a necessity to focus our investigation on the study of socially limited separate groups' correlation and ways of mentality interaction. National specific character is a part of the mentality and it should be thoroughly investigated by comparing the above mentioned phenomena content, which the representatives of different cultures possess.